

Олег ГОРШКОВ

Олег Горшков родился в Ярославле в 1964 г. Закончил юридический факультет ЯрГУ, в котором после окончания учебы несколько лет занимался наукой и преподавательской деятельностью. Сейчас работает адвокатом. Публиковался в журналах «Новый берег», «Сетевая поэзия», «Таллинн», «Радуга», «Северная Аврора», «Родомысл» и др., в коллективных сборниках, альманахах и антологиях, выходящих в России, Украине, США, Израиле. Финалист поэтического конкурса «Заблудившийся Трамвай» им. Н. Гумилева (2004, 2008 и 2010), Международного литературного Волошинского конкурса (2009, 2011), лауреат поэтического фестиваля, проводившегося в рамках 67-го Всемирного конгресса международного ПЭН-клуба (2000), ряда других всероссийских и международных конкурсов. Редактор сетевого литературно-поэтического журнала «Поэзия.ру».

Автор трех книг стихотворений — «Антивременья существования» (2000), «Размытая архитектура» (2002), «Глагол одиночества» (2007).

«Приходит время медленнее жить»

* * *

Ты умер, едва проснувшись, чуть свет, внезапно.
С улицы пахло яблоком, стружкой, снегом.
И кто-то, никем оказавшийся, ставший неким
пробелом, лакуной, вбирая щемящий запах,
лежал посредине зимы, посреди обломков
религий, империй, времен, кораблей и прочих

скрипучих безделиц. И гулкий глагол, обмолвка,
неведомо чья, претворяли и беглый почерк,
и почву зимы, воцарившейся в мире. «Умер» —
гремели столетья, а ты все лежал, покоясь
на утлой кушетке, чуть свесив коленки в космос
прокуренной комнаты — гамлет, вернее, гумберт,
профукавший девочку-жизнь. Глубоко и сладко
дышалось тебе спелым яблоком, снегом, стружкой,
вернее, кому-то, избывшему без остатка
себя самого. И сестрой, сиротой, простушкой
стремглав обернувшись, с ним девочка в такт дышала
и все бормотала, целуя глаза и губы:
мой гамлет беспамятный, мой бестолковый гумберт,
не помнишь меня? Что же, попробуем все сначала —
от яблока, что едва качнулось назад, на запад,
от вязкой зимы, от купели прозрачной, ранней.
Ты умер сегодня, чуть свет занялся, внезапно.
Ты только рождаешься, ты еще там, за гранью...

Град обреченный

Заснеженный пейзаж глубок и чист —
зима дисциплинирует природу.
Ни звука. С колченогой каланчи,
превозмогая утреннюю одурь,
продрогший ворон, словно в тьму времен,
куда-то в небо целит цепким оком —
лаокоон, застывший над потоком
событий, что во тьме почуял он?

И город, в струнку вытянувшись весь,
стоит — сосредоточенный и строгий,
как будто ждет решительную весть.
Он помнит все — мясистый запах оргий,
вкус ветреной свободы, зычный зов
слепого естества, имперский почерк
страстей, чудачеств, помыслов и прочих
своих безумств. Но чашами весов
играет необузданный борей,
и зябнут покачнувшиеся сферы
в пугающе пустынном декабре
оглохшего столетья стылой эры.

И помнит город все, что кралось вслед
неистово пирующей гордыне —

цветение удушливой полыни
и ужас пустоты, объявшей свет,
проникшей в камни цирков и церквей,
содравшей лак с их лика щегольского,
поправшей то, чем родствен иудей
был эллину — связующее слово.

Плывут воспоминанья, их не счесть,
но окликает колокол, зашедшись,
юродивых своих и сумасшедших,
и сумерки тесней, и ближе весть...

* * *

Век оглоушен пьяненькой, площадной
совестью толп, дурью торжища век пронизан.
Кто там над звездами скрипачкою-тщетою
пилит неистово? Претерпеванье жизни —
через усталость, сквозь лед занемевших мин —
в лицах читается, и ни черта помимо.
Срок свой земной мотая в тоске голимой,
как заведенный бормочешь: аминь, аминь.
Будто обещано: так обретешь покой,
сможешь постичь начальное в человеке.
Чуешь, как воздух, запертый в костяной
матрице плоти, ютится в своей ячейке?
Сколько же в этом, набитом всегда битком,
клеточном улье, в бесчисленных ломких сотах
спрятано воздуха, слышишь, как там, в пустотах,
колокол бредит? Вот и скажи, по ком?
И говоришь, будто страх выдыхаешь, но
голос разбуженный слышится еле-еле
в сумрачной чаще, где даже дышать темно,
где, как столбы геракловы — ели, ели...

Старьевщик Ефам

Вспомни, какой мой век: на какую суету
сотворил Ты всех сынов человеческих?

Пс. 88, 48.

Живет себе человек, и чем дальше — проще,
все проще и глубже глядит человек на вещи,
старьевщик Ефам на судьбу никогда не ропщет,

он скуп на слова, отрешен и совсем не сведущ
в курсах на рынке правд, но зато он дока
в ценах на время, что, еле дыша, ютится
в утлых часах, и на свет, погруженный в стекла
масляных ламп и в проваленные глазницы
гипсовых римских голов. В запыленной лавке
латаных древностей, словно в ковчеге Ноя —
всяческой твари по паре — брелки, булавки,
маски, картины, куклы с их заводною
шаткой походкой — весь тлеющий мир, который
непостижим и разрознен, текуч и зыбок...

В датских и прочих отечествах бедный Йорик,
Йорик живей всех живых, как и прежде, ибо
все возвращается в прах, обращаясь снова
тайной, симметрией, почвой, пылью, дыханьем
блудного ветра — всей сутью своей, основой
коловращения вещей... Бог с тобой, лехаим,
старый еврей, пусть тебя берегут глазастый
бронзовый Ра и фарфоровый сонный Будда,
ты по утрам говоришь им негромко: здравствуй,
слышишь, они отвечают тебе: все будет,
как и должно быть... Ты чувствуешь? — здесь подспудно
вещи вмещают мир, словно мехи вина,
вещи — вместилища, вер и времен сосуды,
и только жизнь необъятна и неизбывна...

Буратиновый фронт

Этот воздух сквозной, эти дали усеяны светом.
Несть числа именам демиурга, который один
пишет жизнь. Ну, а мы — лишь труха, уносимая ветром.
Видишь, некий творец, сам себе на уме господин
карабас-барабас, сочинитель державных комедий,
ставит свеженький фарс, строя бравых болванов своих
в буратиновый фронт. И грохочет кимвальною медью
удалой балаган. Свищут, ноздри раздув, соловьи —
записные разбойнички — чуют, засранцы, добычу.
Деревянные цуцики радостно прут на рожон —
вот уж будет пир и чума на весь мир, как обычно.
Впрочем, что до ужю, то державы давно уже в жо...

Вот и строишь ковчег — сам в себе — безрассудно, упрямо —
изнутри его строишь, застигнутый смертным стыдом,
чудом черпая речь, выбираясь по слову из ямы

безъязыкой тоски. Вот и ладишь свой призрачный дом.
Ну, пускай не ковчег — что-то вроде укромной каморки,
где за старым холстом только грубая толща стены.
А за ней — только холод, лишь холод собачий, как в морге.
И гремит балаган, и кимвалы повсюду слышны.

Поколенья шутов

Геннадью Ермошину

Сам по себе живешь, но ты из поколенья
трагических шутов, дышавших невпопад
с эпохой. Все торчит колпак закабаленья
на темени твоём, все просятся в приват
подсобок, чердаков и коммунальных кухонь
насущенные слова, как будто бы вот-вот
очнется ото сна могущественный Ктулху
и всех, кто в колпаках, под свой колпак возьмет.

Но будешь и тогда, дурак непоправимый,
жить с миром вразнобой, бубенчиком бренча,
пока в литавры бьют во славу и во имя
усердные рабы, плодящие рабчат.
Но будешь и тогда... Глагол, как пуля, послан
во тьму, и оживет зияющая тьма,
сквозящей пустотой в лицо дыша, а после
в разбуженных глазах развернется зима.

Что век твой? — зверь тщеты, тоска о невозможном,
но как ни разрослись полынь и лебеда,
спасибо всем табу, границам и таможням
за сладостную суть запретного плода,
за жалость к мертвецу, что был живых живее,
и ненависть к нему, за ярость и за стыд.
Еще от всех шутов, конечно, Москвошвею
особенный респект за клоунский прикид.

Скудна твоя лоза, почти все гроздь страха
и гнева ты собрал, но послевкусье длишь.
И все ж, хвала и честь собесу и госстраху
за их науку жить и полагаться лишь
на Бога и себя, за то, что хватит духу
на ярмарке тщеты быть голью шепутной.
Так будь благословен и ты, проклятый Ктулху,
за общий хула-хуп и жажду быть собой.

Чем явственней зима, тем проще улыбаться,
заглядывая в тьму, чьи дебри глубоки.
Вовсю идет призыв поэтов и паяцев
под зов нездешних труб в бессрочные полки.
Повсюду снег да снег, его здесь по колено,
и кем-то стерта грань меж небом и землей.
И белой пылью прочь уносит поколение
тех, чьи глаза полны покоем и зимой.

Нейронная живопись

Beata stultica

Все, что ты видишь: дрогнувший блик в листве,
молниеносный росчерк вспорхнувшей птицы —
все это канувший мир, разоренный свет,
нейронная живопись мозга. И не схватиться
за воздух, сквозящий сквозь пальцы, не вжиться в явь,
в простор, что мерещится там, в голове-обскуре,
набитой латынью и прочей ученой дурью.
На ощупь живешь, будто что-то в себе разъяв —
какую-то гамму, чуть брезжущий в ней намек,
какое-то слово, сверкнувшую в нем загадку.
Ты весь воплощен во внутренний монолог,
в пустынную речь, уместившую мир без остатка —
с его шутовством и блаженством, тоской, тщетой,
ничтожностью царств, безрассудством мессий и судей,
заиливших Лету. Но ты ведь и сам, по сути,
лишь росчерк по воздуху, дрогнувший блик, лишь то,
что явью причудилось. Это пройдет, пройдет.
Ты знаешь всю правду, ты помнишь, но все же, все же
как стыд нестерпим, как бугорчат в лопатках лед,
как дышится жадно сквозь каждую пору кожи.

* * *

Здесь праздник все же был, но вышел вон
не признанный никем — мир то и дело
бряцал в кимвалы с верой оголтелой,
и самозванцев чествовал... а он,
не требуя ни власти, ни хвалы,
присаживался в сквере на скамейку
к чудным волхвам в ушанках из цигейки,
но, будучи с похмелья, и волхвы

его не признавали. Наугад
он дальше брел, он обращался снегом
и воздухом, насвистывал на беглом
синичьем языке, пока ягнят
своих молчащих, свой елейный хлеб
мир пожирал под медный гул кимвала,
и утро все никак не наставало,
и тьма ползла в пустующий вертеп.

За вещностью, за тонкой пленкой сфер,
в тех ойкуменах, что за гранью зренья,
мешая запах снега и сирени,
все ворожил усталый парфюмер
над колбами времен, но, видно, дух,
им сотворенный, выветрился где-то —
ни тишины, ни праздника, ни света,
одни слова, что вновь бормочешь вслух.
Но здесь, в столпотворенье голосов,
не вспомнит даже колокол набатный
все без вести пропавшие когда-то
потешные полки озябших слов...
А тьма ползла, и так из века в век...
Но ветер треплет белые страницы,
и спящему младенцу в яслях снится
снег, пахнувший сиренью, тихий снег...

Ойкумена онлайн

Ойкумена онлайн. Самых грязных котов из мешков
извлекают на свет просветители Яндекс и Гугл.
Се — cloaca maxima, лишь чокнутый книжник Мошков,
оцифровщик словесности, загнанный временем в угол,
все упорствует в ереси — что за причуда, на кой?
Поколенью клоаки накакать на библиотеки,
ибо библия — Твиттер, и мутною желтой рекой
громыхает контент — ныне, присно, на вечные веки.
Толчея голосов, языков нескончаемый чес,
вот и ты как бы жжешь, человечек, исчадие чата,
и откликнется кто-то, почуяв живое: рулез! —
тоже что-то из библии. Солнечный зайчик в сетчатке
вечереющих глаз затрепещет, но спрячется вмиг.
Словно саваном, речь спеленали рогожей жаргона.
И не нужно костров, ойкумене теперь не до книг.
Никакою трубой стены этого Иерихона
не разрушить уже. За окном ослепительный снег —

ойкумена-3Д имитирует зиму на свете.
Есть ли жизнь после сети? — бормочет в тоске человек,
снова ищет ответ и, как прежде, не может ответить.

vremechko.net

Затрапезная осень, промозглая тмутаракань —
лишь роптанье ветров да простуженный лай кабысдохов
тормошат тишину, и выходишь куда-то за грань
оголтелой эпохи. А, впрочем, причем тут эпоха
гуттаперчевых цезарей, спешно доящих свой рим,
и румяных мессий, расторопно торгующих словом?
Время — жадный сурок, что грызет и грызет изнутри
листья жизни твоей, убывающей так бестолково.
Время — нечто в тебе, а не что-то и где-то еще,
одурачишь сурка, и мгновенье все длится и длится.
Даже сумрачный хронос, дотошно ведущий свой счет,
не исчислит его... И летит уже белой латиницей
нескончаемый снег, летописец и вестник зимы,
заполняя собой пустоту между горним и дольным,
между словом и словом. Из толщи небесной, из тьмы
снег свободно летит и, едва прикоснувшись к ладоням,
истлевает за миг, и ты чуешь, безбожник, по ком
сельский колокол бьет, расщепляя в тоске безрассудной
это vremechko.net и его pokolenie.com
на отдельные судьбы.

Алхимик Йорк

Алхимик Йорк, помешивая тьму
сгустившихся окрест тысячелетий,
в их толщу манит. Что за шут ему
теперь судья, какие нынче сплетни
о нем захлеб горланит воронье? —
не разберешь. Но небо над собором
как будто пошатнулось. Все — вранье,
усмешки Дагонета, по которым
воображенье чертит времена,
блуждая в наплывающем далеко.
Все глуше, глуше гул веретена,
прядущего тщеты кромешной кокон.
Щебечет город — птица и манок.

И, кажется, у века на задворках
все длится красно-белое кино
про чокнутых ланкастеров и йорков,
про их солдат, церковников, ткачей
и прочих малых, что за пинтой эля
бранят и славят каменный ковчег,
несомый в бездну. Без году неделя
от сотворенья мира — тот же свет,
что был в начале, те же в Узе воды
бубнят свое склонившейся листве,
на нитке площадного кукловода
все тот же красный чертик, лицедей,
усердствует — где тонко, там и рвется.
И, строя рожи, лезут из людей
наружу обезьяны сумасбродства.
Мир будто замирает. До краев
котел времен мгновеньем полон этим,
и ребяшня гоняет воробьев
по площадям, дворам, тысячелетьям...

Мене, мене, текел, упарсин

Приходит время медленнее жить.
Преследуемый собственной тенью,
вновь сознаешь, что жизнь принадлежит
свихнувшемуся богу нетерпенья.
Не то с чего б так яростно частить
колоколам к заутрене, с чего бы
такая разоряющая прыть
у мытаря-боря? Смотрит в оба
неясыть-осень, только оступись —
подхватит, понесет с листвою и дымом
в кромешную беспамятную высь
с ожесточеньем неисповедимым.
Борей все сыплет зябких голосов
толченное стекло, но ты не слышишь,
и свет качнется, будто свет, как софт,
скачать возможно, кликнув небо мышью
слепой тоски, как будто можно впрок
налюбоваться хрупким этим светом,
все выговорить в смуте беглых строк,
напраздноваться, надышаться ветром,
взять если не уменьем, так числом
проб и ошибок, чтобы, пусть отчасти,
пусть лишь на миг, почувствовать потом,
как нестерпимо призрачное счастье.

Вот и несет кочевника поток —
непоправимо, властно, неустанно,
и снова ускользает между строк,
в тщете словес глагол обетованный,
безмолвно гаснет в пене голосов,
в пустыне Мегафона и Билайна,
и чудище вращает колесо —
стозевно, обло, голодно и лайяй.
Приходит время... что ж ты от него
все прячешься, цепляешься за вещи,
которым имя — пища жерновов,
из полымя да в пламя перебежчик?
Зачем бежишь?.. Но, сколько ни проси,
как ни пытай скитальца, нет ответа,
лишь «мене, мене, текел, упарсин» —
колокола грохочут несусветно...